Антигерманская Антанта и антикитайский альянс начала XXI века: опыт сравнения.

Сенокосов Алексей Георгиевич
специалист Отдела научно-информационного развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва
Кандидат исторических наук,
115035 Москва, ул. Садовническая, д. 25, кв. 29
Моб. телефон 8916 0901689
E-mail: senokosov@inbox.ru

Аннотация: В статье сопоставляется международная ситуация начала XX и XXI вв. Проводится сравнение между Великобританией и США, как странами — лидерами, анализируется опыт их взаимоотношений с ключевыми соперниками, в лице соответственно Германии и Китая. Сопоставляются особенности формирования антигерманской Антанты и проектируемого антикитайского альянса. Особое внимание в обоих случаях уделяется роли и месту России.

The anti-German Entente and the anti-Chinese alliance of the beginning of the XXI century: the experience of comparison.

Abstract: The article compares the international situation of the early XX and XXI centuries. A comparison is made between the United Kingdom and the United States, as the leading countries, and the experience of their relations with key rivals, represented by Germany and China, respectively, is analyzed. The features of the formation of the anti-German Entente and the projected anti-Chinese alliance are compared. In both cases, special attention is paid to the role and place of Russia.

Ключевые слова: Антанта, антикитайский альянс, Великобритания, США, Германия, Китай, Россия, Венская система, постбиполярная модель.

Keywords: Entente, anti-Chinese alliance, Great Britain, USA, Germany, China, Russia, Vienna system, post-bipolar model.

За 120 лет, истекших с начала XX века, мир проделал огромный путь в своем развитии. Претерпела глобальные изменения и существующая система международных отношений. На смену Венской модели — наследнице Великой Французской революции и Наполеоновских войн, пришла современная модель, появившаяся в результате распада соцлагеря и фактического прекращения холодной войны.

Весьма актуальным в данной связи представляется сравнение особенностей международного положения в начале XX и XXI столетий, выявление сходства и различий между дипломатическими коалициями, боровшимися за власть и влияние в мировой политике тогда и теперь.

В первое десятилетие XX века Венская модель приближалась к завершающей фазе своего существования. Основной механизм, приводивший ее в действие — «европейский концерт» великих держав — последовательно распадался на два противостоявших друг другу альянса: Тройственный Союз и Антанту. Утрата участниками блоков свободы дипломатического маневрирования, вкупе с обострением существовавших между ними противоречий, неуклонно толкала их к радикальному военному пути разрешения накопившихся проблем.

Существующая сегодня система международных отношений условно может быть названа «постбиполярной». У исследователей не существует единого мнения относительно ее природы. С разных точек зрения она может быть охарактеризована как одно-, би- и многополярная.[1]

Открытым остается вопрос и о стадии развития, в которой находится текущая система, возникновение которой можно отнести к 1991 г., то есть ко времени крушения Советского Союза.

Проблема лидерства в рамках существующей модели.

Как Венской модели международных отношений, так и современной постбиполярной системе присуще наличие страны-лидера, признаваемой в данном качестве всеми ведущими участниками. Для начала XX века это была Британская империя, а в начале XXI столетия — Соединенные Штаты Америки.

Возможности Великобритании, как мирового гегемона, не были всеобъемлющими. К 1900 г. страна утратила свой статус крупнейшей экономики мира, пропустив вперед США. Британская промышленность и торговля быстро утрачивали ведущие позиции в мире на фоне динамичного подъема конкурентов. Более прочным выглядело положение Великобритании в сфере финансов, где фунт стерлингов считался главной мировой резервной валютой. Колониальная Британская империя охватывала ¼ обитаемой суши, а английский флот поддерживал "двухдержавный стандарт«.[2] Однако на суше Великобритания не располагала значительной армией, поэтому ее возможности для проекции силы в ключевом европейском регионе были незначительными. Лидерство Великобритании в рамках Венской системы никогда не было безусловным. Страна не могла диктовать свою волю другим участникам «европейского концерта» и избегала слишком резких действий, способных объединить великие державы против нее. Фактические возможности Великобритании для воздействия на политику других великих держав сводились к роли «балансировщика». Лондон стремился не допускать появления в Европе страны-гегемона, способного обрушить существующий баланс сил. При этом английская внешняя политика, начиная с 1860-х гг., основывалась на принципе "блестящей изоляции«.[3] В соответствии с ним, Великобритания избегала заключать обязывающие соглашения с другими державами, чтобы не связывать себе руки и не ограничивать свободу дипломатического маневрирования.

В отличие от Великобритании начала XX века, современные США располагают более широкими возможностями, однако распределены они неравномерно. По состоянию на 2021 г., американская экономика официально остается крупнейшей в мире, а доллар сохраняет статус мировой расчетной единицы. Однако Америка уже перестала быть важнейшим промышленным центром мира, роль которого перешла к Китаю. Постепенно ослабевают относительные позиции США в мировой торговле. На фоне эрозии экономического фундамента американского могущества, Соединенные Штаты все еще остаются первоклассной военной державой. В отличие от Великобритании, Америка располагает гораздо большими возможностями для проекции своей военной силы. Однако потенциал прямого военного вмешательства в современных условиях ограничен по сравнению с началом XX века. Поэтому акцент все больше смещается на применение косвенных методов воздействия, использование информационных и других инструментов.

Важным отличием современных США от викторианской Англии можно назвать тот факт, что Америка является лидером коллективного Запада и имеет большое количество союзников, связанных с ней многочисленными договорами. Американская политика безопасности опирается на военно-политический блок НАТО и ряд других менее крупных соглашений. До недавнего времени подобная конструкция обеспечивала безусловное лидерство США в существующем миропорядке. Борьба США за упрочение своей гегемонии и ее признание другими акторами задает основной вектор развития существующей модели международных отношений.[4]

Ключевые конкуренты в борьбе за лидерство.

На протяжении всего периода существования Венской системы Великобритания постоянно сталкивалась с соперничеством со стороны других держав. В конце XIX века наибольшие опасения

английской правящей элиты вызывало существование русско-французского союза. И Россия, и Франция традиционно считались наиболее опасными конкурентами Британской империи на поприще колониального раздела мира. Однако восхождение Германии как новой великой державы в 1890-е гг. оттеснило эти противоречия на задний план.

За 30 лет, истекших после завершения франко-прусской войны 1870-71 гг. и состоявшегося в ее результате объединения Германии, страна вышла на передовые позиции в мире по уровню развития науки, промышленности, сельского хозяйства и военного дела. Дальнейшие возможности прогресса немецкая правящая элита связывала с расширением «жизненного пространства» для Германии как в Европе, так и за ее пределами.[5] Отсюда резкая активизация германской колониальной политики, начавшаяся с приходом нового кайзера Вильгельма II. Опираясь на свои растущие финансовые и экономические возможности, в 1898 г. Германия приступила к строительству Флота Открытого моря, призванного стать основным инструментом ее колониальной экспансии. Стремление Германии к колониальному переделу мира бросало вызов Британской империи, вытесняя ее с территорий, считавшихся прежде неформальными зонами английского влияния.[6]

Одновременно с этим Германия наращивала усилия по изменению в свою пользу европейского баланса сил, ключевого для существования Венской модели международных отношений. Наряду с поддержанием Тройственного Союза с Австро-Венгрией и Италией, Берлин активизировал давление на Францию и Россию. Несмотря на то, что русско — французский союз имел антигерманскую направленность, обе страны при определенных условиях готовы были пойти на сближение с Германией. Для Парижа модель сотрудничества с Берлином заключалась в отказе от притязаний на Эльзас и Лотарингию в пользу активной колониальной политики. Блокируясь с Германией, Франция получала возможность вытеснить Великобританию из интересующих ее периферийных территорий за пределами Европы.[7] Равным образом и Россия могла, опираясь на дружественные отношения с Германской империей, развивать свою экспансию на Среднем и Дальнем Востоке.[8]

К концу XIX столетия политика Германии превратилась в глобальный вызов для лидерских позиций Британской империи, угрожая ей одновременно и в Европе, и на колониальной периферии. Лондон не мог позволить Берлину сломать европейский баланс сил в свою пользу, так как от этого зависела безопасность и само существование метрополии Британской империи. Сталкиваясь с германской торговой конкуренцией практически в каждом уголке земного шара, британская правящая элита вынуждена была обратиться к поиску возможностей для обуздания самого активного и опасного конкурента.

Главным вызовом для позиций США в современном постбиполярном мире стал Китай. Однако сложилось такое положение не сразу. К моменту окончания холодной войны взаимоотношения Америки и Китая строились на основе достигнутого в 1970-е гг. консенсуса. В январе 1979 г. были установлены дипломатические отношения между США и КНР, на основе признания Вашингтоном принципа "одного Китая".[9] Идеологические разногласия были отставлены в сторону ради прагматичного сотрудничества в сферах политики и экономики. До середины 1980-х гг. КНР фактически выступала на стороне США в геополитическом противостоянии с Советским Союзом. В дальнейшем позиция Пекина эволюционировала к нейтралитету, курсу на "независимую и самостоятельную внешнюю политику".[10] Основой китайского стратегического курса, начиная со второй половины 1980-х гг. стала формула Дэн Сяопина из 24 иероглифов, гласившая: "Наблюдать хладнокровно, реагировать сдержанно, стоять твердо, скрывать свои возможности и дожидаться своего часа, никогда не брать на себя лидерство и быть готовыми кое-что совершить«.[11]

Осторожный внешнеполитический курс Пекина позволил ему сохранить конструктивные отношения со странами Запада после окончания холодной войны. Избежав опасности стать новым главным противником США в постбиполярном мире, Китай выиграл время для проведения модернизации, всестороннего подъема экономики. Под влиянием рыночных реформ в Китае и реализуемой им «политики открытости» сформировалась тесная взаимосвязь экономик США и КНР, описываемая формулой "Чимерики«.[12]

Концептуальным отличием «возвышения Китая» от подъема кайзеровской Германии столетием ранее стало различие проводимых ими внешнеполитических стратегий. Если германская «мировая политика» начала XX века была основана на экспансии, активном использовании инструментария военно-политических союзов, решительном давлении на позиции конкурентов, то китайская внешняя политика в 1990-е и 2000-е гг. являла собой видимую противоположность ей. Китай настойчиво следовал курсу на отказ от вступления в военно-политические союзы, заявлял о нежелании становиться даже в будущем мировым лидером, подчеркивал стремление к конструктивным взаимоотношениям с США и свою готовность признавать их лидерскую роль.[13]

Китайское руководство стремилось выиграть время для завершения модернизации, сроки которой рассчитывались до 2050 или даже 2100 г. При этом подчеркивалось, что "XXI век принесет полноценное возрождение китайской цивилизации".[14] В основе данных расчетов лежало устойчивое превышение темпов экономического роста Китая над аналогичными темпами США (9 % против 2,5 % в среднем за 40 лет после 1978 г.)[15] Из расчета ВВП по ППС китайская экономика опередила американскую в 2014 г., впервые с 1871 г. сместив ее с первого места в мире.[16]

По экспертной оценке О. Уэстада: "Сегодня Китай в 2-3 раза сильнее, чем был Советский Союз по отношению к США на пике своего развития в годы холодной войны... Решимость Китая потеснить американские позиции в Азии сильнее, чем любые попытки, которые предпринимались Сталиным в Европе«.[17] В условиях быстро растущей геополитической конфронтации с США в 2010-е гг. Китай взял курс на постепенный отказ от политики нейтралитета, сближение с Россией, Ираном и другими государствами, способными в перспективе сформировать альтернативный Западу полюс силы на мировой арене. Тем не менее китайское политическое руководство продолжало уделять приоритетное внимание задачам внутреннего развития, стараясь по возможности избегать преждевременного начала новой холодной войны, способной затруднить завершение экономической модернизации Китая.

Реакция страны-лидера на угрозу.

За 400 лет после 1500 г. Великобритания последовательно выиграла ряд геополитических схваток с могущественными оппонентами, в роли которых выступали Габсбургская Испания, Франция Людовика XIV и Наполеона. К началу XX века стало ясно, что Британская империя столкнулась с новым глобальным вызовом со стороны кайзеровской Германии.

В основе реакции британской правящей элиты на германскую угрозу лежало стремление переиграть оппонента дипломатическим путем. Целью политики Foreign Office стало предотвращение потенциальной возможности объединения Германии, Франции и России, их противопоставление друг другу.[18] При этом английские политики и дипломаты первоначально сконцентрировали усилия на достижении взаимопонимания с Францией, рассчитывая затем с ее помощью воздействовать и на политику России.

После Фашодского кризиса 1898 г., ставшего последним крупным столкновением Великобритании и Франции по колониальным вопросам, наметилось быстрое сближение их позиций. Лондон взял курс на выстраивание англо-французского союза, путем сглаживания существующих противоречий. Эта политика нашла свое дипломатическое оформление в виде

соглашения, подписанного 8 апреля 1904 г. в Лондоне английским министром иностранных дел Ленсдауном и французским послом П. Камбоном.[19] Невзирая на то, что данное соглашение касалось лишь урегулирования спорных территориальных вопросов, оно де-факто означало появление англо-французского дипломатического союза (так называемого Entente Cordial или «Сердечное Согласие»), острие которого было направлено против Германии.[20]

Более сложным вопросом для британской дипломатии было привлечение к проектируемому антигерманскому соглашению России. Невзирая на наличие военно-политического союза с Францией, Российская империя не имела существенных разногласий в отношениях с Германией и тяготела к альянсу с ней. Кроме того, Россия сама по себе выступала как угроза британской гегемонии в Азии. Почти до самого конца XIX века именно Россия рассматривалась как важнейшая угроза позициям Англии в мире. Вплоть до заключения англо-русского соглашения 1907 г. ¾ регулярной британской армии размещались в Индии, защищая ее от опасности русского вторжения.[21]

Интересы Российской и Британской империй сталкивались в Персии, Афганистане, Тибете, на Дальнем Востоке. Для того, чтобы привлечь Россию к проектируемому альянсу, нацеленному на сдерживание Германии в Европе, требовалось остановить ее экспансию в азиатском направлении, прежде всего на Дальнем Востоке. Сделать это удалось благодаря установлению союзнических отношений Великобритании с Японией и последующему провоцированию русско-японской войны 1904-1905 гг. Ее главным итогом стала остановка российской экспансии на Дальнем Востоке. Россия теряла Южный Сахалин, вводились ограничения на развитие военно-морского флота на Дальнем Востоке.[22]

Поражение России в войне с Японией открыло путь и к урегулированию русско-английских колониальных разногласий. 31 августа 1907 г. в Петербурге российский министр иностранных дел А. Извольский и британский посол А. Николсон подписали соглашение о разграничении сфер влияния на Среднем Востоке. Значительно ослабевшая Российская империя пошла на существенные уступки. Если ранее Россия претендовала на влияние во всей Персии, то теперь она согласилась сохранить за собой лишь ее северную часть.[23] Кроме того, российская дипломатия отказывалась от притязаний на Афганистан и Тибет. Петербургское соглашение подвело черту под почти столетним периодом англо-русского соперничества в Азии (так называемой «Большой Игры»).

Англо-русское соглашение 1907 г. не означало вступления Великобритании и России в формальный военно-политический союз. Однако оно создало выгодную для Лондона конфигурацию, вовлекая Россию в политику, нацеленную на недопущение гегемонии Германии в Европе. Заблокировав азиатские направления внешнеполитической экспансии Российской империи, британская дипломатия содействовала ее переориентации на Балканы. Здесь русские интересы неминуемо должны были столкнуться с интересами Австро-Венгрии и стоявшей за ее спиной Германии. Расчет оказался верен — уже в 1908 — 1909 гг. последовал Боснийский кризис, закончившийся дипломатическим поражением России, уступившей немецкому давлению.[24] Череда последовавших кризисов на Балканах (итало-турецкая война 1911-1912 гг., Первая и Вторая Балканские войны, кризис из-за миссии Лимана фон Сандерса зимой 1913-14 гг.) способствовали быстрой деградации российско-германских отношений.[25] Июльский кризис 1914 г. поставил точку в этом процессе, запустив маховик Первой мировой войны.

Несмотря на локальные выгоды, полученные Россией от вступления в Тройственную Антанту, в среднесрочной перспективе этот курс обернулся катастрофой для самодержавия. Российская империя сыграла ключевую роль в Первой мировой войне, ценой своей гибели не допустив победы Германии. Великобритания же в итоге достигла своих ключевых внешнеполитических целей,

столкнув между собой двух своих опаснейших противников и на время обезвредив их.

Последующие геополитические события XX века вознесли на вершину существующего миропорядка Соединенные Штаты. В результате Второй мировой войны они сменили Великобританию в роли страны-лидера, а по итогам холодной войны устранили альтернативный полюс влияния в лице СССР. В начале XXI века политическому руководству США стало ясно, что на международной арене появился новый соперник в лице Китая.

Преобладающим подходом в американской политике на китайском направлении до середины 2000-х гг. являлся «баланс интересов». Он исходил из того, что курс на реформы и открытость в конечном счете приведет к вестернизации и обуржуазиванию Китая, его встраиванию в мировую систему возглавляемую Соединенными Штатами. На этой парадигме строилась политика «стратегического партнерства» с КНР.[26]

К середине 2000-х гг. опасения по поводу быстрого роста Китая вылились в оформление нового подхода, именуемого «congagement» (сдерживание + вовлечение).[27] С течением времени элементы сдерживания усилились, пока к середине 2010-х гг. не стали преобладающими. С приходом новой президентской администрации Д. Трампа США резко ужесточили свой подход к КНР. Осторожное давление на Китай прежних американских властей сменилось курсом на его сдерживание всеми доступными способами.[28]

В основу американской стратегии противодействия опережающему подъему Китая были положены сокращение экономических связей, торможение технологического развития и геостратегическое окружение КНР кольцом недружественных стран. Особое внимание было уделено формированию торгово-политических барьеров в рамках нового типа «холодной войны». Администрация Д. Трампа заблокировала приток китайских инвестиций в американскую экономику, сократив их объем с 45 млрд. долларов в 2016 г. до 5 млрд. долларов в 2019 г.[29] Начался массовый перенос производственных мощностей американских компаний из КНР в другие развивающиеся страны. За этим последовали ограничение контактов в сфере науки и образования, усилия по подрыву имиджа Китая, как надежного партнера в сфере инноваций. США стремились любыми способами не допустить становления КНР в качестве технологической супердержавы, защитить свое лидерство в ключевых отраслях (производство вооружений, аэрокосмическая отрасль, полупроводники, фармацевтика, биотехнологии).[30]

Резко активизировалось вмешательство во внутренние дела Китая, выразившееся в провоцировании «цветной революции» в Гонконге в 2019 г., привлечении внимания к положению национальных меньшинств в Китае, педалировании экономических, экологических и т. п. проблем. Расчет делался на торможение экономического развития КНР, что в свою очередь должно было обострить внутренние проблемы страны.

Важной составляющей антикитайской стратегии США стало использование испытанного инструмента геополитической изоляции. Вашингтон прилагал энергичные усилия к укреплению своих союзнических отношений с Японией, Южной Кореей, Австралией. Был взят курс на пересмотр status quo в тайваньском вопросе, на протяжении 40 лет после 1979 г. являвшегося основой американо-китайских отношений. Вместо признания Тайваня как неотъемлемой части территории КНР началась подготовка к его фактическому признанию в качестве независимого государства. В 2018 г. был принят Акт о посещении Тайваня, разрешающий визиты на остров американских официальных лиц высокого уровня.[31] Резко активизировалась политика США в Юго-Восточной Азии. Значительные усилия американская дипломатия предпринимала для того, чтобы в рамках созданного в 2007 году Четырехстороннего диалога по безопасности QUAD подключить Индию к созданию проектируемого "азиатского НАТО".[32] Формируя геополитическое кольцо вокруг КНР, США стремились создать условия, при которых даже возможный в будущем экономический перевес

Китая не даст ему значимых политических преимуществ. Как подчеркивает американский исследователь Дж. Най: "Экономическая сила является лишь частью геополитического уравнения«. [33]

Значение России для проектируемого антикитайского альянса.

Сеть антикитайских союзов, формируемая США по периметру границ Китая, не может быть завершена без участия России. Фактически именно Российская Федерация является ключевым звеном в процессе «геополитического окружения» Китая. Современная Россия занимает не просто полуокраинное по отношению к мировым центрам положение, как это было до Первой мировой войны, а срединное пространство между Европой, Дальним Востоком и мусульманским миром.[34]

Взаимная заинтересованность РФ и КНР в конструктивных взаимоотношениях позволила им еще в 2001 г. заключить Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, полностью закрыв существующие территориальные разногласия и сконцентрировавшись на развитии сотрудничества в экономической, политической и военной сферах.[35] Союз между Россией и Китаем или даже просто их дружественный нейтралитет не позволяет сделать блокаду КНР по-настоящему эффективной. Огромные сырьевые и энергетические ресурсы России служат надежной страховкой для Китая в случае объявления ему режима международных санкций.[36] Через территорию России КНР получает прямой доступ на рынки Европы. Расчет на дружественные отношения с Россией является основополагающим в стратегии «мирного возвышения» Китая, рассчитанной до 2050 г. Обе страны конструктивно взаимодействуют в форматах ШОС[37] и БРИКС[38], сотрудничают на региональном уровне, прежде всего в Центральной Азии.

В подобных условиях Россия уже к началу второго десятилетия XXI века стала восприниматься в США как ключевое звено для реализации плана противодействия «китайской угрозе». Казалось бы, логика сдерживания Китая требовала от Америки шагов, направленных на установление дружественных отношений с Россией. Однако в данном случае это не так. Выстраивание конструктивного взаимодействия с Российской Федерацией требует учета ее национальных интересов. Главным среди них является признание особого положения России на постсоветском пространстве. Между тем, начиная с 1990-х гг. страны Запада последовательно отказывают России в праве на собственную сферу влияния. Как указывает отечественный исследователь В. Битюк: "Слабость постбиполярной России воспринималась Западом как естественное следствие ее поражения в холодной войне, и попытки России укрепить свои позиции... воспринимаются западными элитами как недопустимый реваншизм, которому следует дать решительный отпор«.[39]

Особое место в западной политике давления на Россию заняла Украина. Организовав в 2014 г. вооруженный переворот в Киеве, США рассчитывали использовать эту страну как удобный антироссийский инструмент.[40] События весны-лета 2014 г. на Донбассе отражали стремление США напрямую вовлечь Россию во внутриукраинские события, представить ее «страной-агрессором» на международном уровне. В случае введения российских войск на территорию Украины можно было бы задействовать «афганский сценарий», реализовать курс на полную экономическую блокаду Российской Федерации, разрыв ее энергетического сотрудничества с Европой, мобилизовать европейское общественное мнение против «страны-агрессора». В конечном счете, Украине в геополитических расчетах стратегов из Вашингтона отводилась роль, схожая с той, что сыграла Япония в 1904 — 1905 гг.

Ко времени прихода новой демократической администрации Дж. Байдена России был нанесен определенный ущерб, выразившийся прежде всего в торможении темпов ее экономического развития. В то же время решительного результата достичь не удалось, а затягивание острой фазы противостояния с Россией для Вашингтона нежелательно. Пришло время для диалога с Кремлем,

зондажа возможностей его привлечения к сдерживанию Китая. Поддерживая постоянное давление на Москву, Вашингтон стремится с позиции силы вовлечь ее в западную орбиту, обменяв смягчение своего прессинга на весомые геополитические преимущества.

Усилившееся давление на Россию со стороны США и обострение американо-китайских противоречий в последние годы актуализировали вопрос о заключении российско-китайского союза. В 2020 — 2021 гг. развернулась активная дискуссия в китайском и российском экспертном и политическом сообществах о целесообразности заключения военно-политического альянса между КНР и РФ. Однако, по мнению большинства российских экспертов, подобный шаг со стороны России является опрометчивым. [41]

Подобно тому, как в начале XX века интересы Российской империи не совпадали ни с интересами Великобритании, ни с интересами Германии, то же самое сегодня можно сказать о треугольнике США — Россия — Китай. Россия, по большому счету, не заинтересована участвовать в глобальном противостоянии между США и Китаем и предпочла бы сохранять нейтралитет. Ее интересы сконцентрированы на восстановлении своей традиционной сферы влияния на постсоветском пространстве.

Заключение

Несмотря на все различия между викторианской Англией начала XX века и современными Соединенными Штатами, их позиция в рамках соответствующей системы международных отношений имеет черты определенного сходства. И то, и другое государство являлись признанным лидером, и в то же время пик их могущества в рассматриваемые периоды начала XX и начала XXI вв. был уже пройден. Великобритания стремилась поддерживать свою гегемонию в рамках Венской системы через инструмент «блестящей изоляции», тогда как США делают это через широкую сеть подконтрольных им альянсов с другими государствами.

Обе англосаксонские державы столкнулись с комплексным вызовом со стороны государства-конкурента, угрожавшего их позициям одновременно в сферах политики, экономики, финансов, торговли и безопасности. При этом кайзеровская Германия бросала открытый вызов существующему миропорядку, тогда как стремление к гегемонии современного Китая носит более завуалированный характер. Германская империя реализовывала свою политику через активное заключение союзных соглашений, в то время как современная КНР проводит внешнеполитический курс, схожий с британской «блестящей изоляцией» второй половины XIX века.

Характер реагирования Великобритании и США на угрозу носит схожие черты. Осознав реальную опасность, исходящую от Германии, британская дипломатия приступила к созданию блока Антанты, призванного сдерживать гегемонистские устремления Берлина. Осуществив геополитическое окружение Германии, Британская империя парировала все попытки оппонента разорвать образовавшееся кольцо и вынудила его вступить в Первую мировую войну на невыгодных условиях. Современная антикитайская стратегия США исходит из схожих предпосылок. Однако она носит более комплексный характер, используя не только дипломатические, но и экономические, технологические, правовые и т. п. инструменты. Все они направлены к цели сдерживания Китая, недопущения его превращения в державу-гегемона.

Исключительно важную роль и в антигерманской Антанте, и в антикитайском альянсе начала XXI века играет позиция России. Великобритании в 1904 — 1907 гг. удалось вовлечь Российскую империю в Тройственное Согласие, предварительно ослабив ее в ходе русско-японской войны и первой русской революции и переключив вектор активности российской дипломатии с азиатских направлений на Балканы. Столкнув Россию и Германию, Великобритания сумела достичь своих ключевых внешнеполитических целей, отсрочив падение своей гегемонии.

Сходным образом в начале XXI века Россия занимает важное место в планах США по геополитическому окружению Китая. Однако планы втянуть ее в антикитайский альянс упираются в тесный характер российско-китайских отношений. Бесцеремонное геополитическое давление на Москву, оказываемое Вашингтоном с 2014 г., лишь способствовало ее сближению с Китаем. В этих условиях США будут вынуждены изыскивать способы изменить внешнеполитическую ориентацию России, без чего их антикитайская стратегия не будет в достаточной степени эффективна. Возможные варианты могут касаться как попыток деструкции современной российской государственности либо ее ослабления, так и торга вокруг судьбы постсоветского пространства.

Список литературы:

[1] Brooks S., Wolforth W. American Primacy in Perspective. Foreign Affairs. July-August 2002. Vol. 81. № 4. P. 20-33.

[2] Закон о двухдержавном стандарте был принят британским парламентом в 1889 г. В соответствии с этим принципом флот Великобритании должен был превосходить объединенные флоты двух сильнейших морских держав. См.: Marder A. J. From Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1904-1919. Vol. 1. L., 1961. P. 123.

[3] Данный принцип впервые был выражен в 1869 г. премьер — министром У. Гладстоном, заявившим, что Великобритания не может давать обязательства, которые при некоторых обстоятельствах способны привести к ограничению или сужению свободы ее действий. См.: Nicolson H. Diplomacy. L., 1940. P. 137.

[4] В данном отношении постбиполярная модель международных отношений обладает определенными чертами сходства с Вестфальской системой, в рамках которой основополагающим вопросом было стремление Франции стать страной-гегемоном. Вестфальская система сохраняла устойчивость, до тех пор пока Франция обладала статусом сильнейшей державы. См.: Маныкин А. С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития. // Введение в теорию международных отношений. М., 2001. С. 33-34.

[5] Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951. С. 30-31.

[6] Ежегодник германской истории. 1981 г. М., 1983. С. 146 — 147.

[7] Дербицкая К. Ю. Марокканский вопрос в международных отношениях в конце XIX — начале XX вв. Дисс. к. и. н. М., 2012. С. 76 — 78.

[8] Pribram A. F. England and the International Policy of the European Great Powers. 1871 — 1914. Oxford, 1931. P. 56.

[9] Отказавшись от дипломатического признания Тайваня, в апреле 1979 г. Конгресс США принял специальный закон об отношениях с ним. Это позволило зафиксировать новый status quo в Азиатско-Тихоокеанском регионе. См.: Гордеева И. В. Место Тайваня в противоборстве США и Японии с Китаем. // Проблемы Дальнего Востока, № 1, 2021. С. 8.

[10] Свешников А. А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности. // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 93 — 143.

[11] Цит. по: Бергер Я. М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей. // Проблемы Дальнего Востока, № 1, 2006. С. 50.

[12] Неологизм Chimerica (China + America) был придуман американскими учеными Н. Фергюсоном и М. Шулариком в 2006 г. для того, чтобы показать возникшую взаимозависимость

экономик двух стран.

[13] Бергер Я. М. Указ. соч. С. 45.

[14] Макеева С. Б. Исторический опыт реализации стратегий регионального развития КНР. // Восток, № 4, 2020.

[15] Картавцев В. А. «Китайское чудо» и проблемы ускоренного экономического развития. // Экономика. Профессия. Бизнес. № 4, 2019. С. 28.

[16] Приходько О. В. Меняющийся баланс сил в мире: американо — китайский контекст. // США — Канада, № 8, 2020. С. 34.

[17] Westadd O. The Sources of Chinese Conduct: Are Washington and Beijing Fighting a New Cold War? // Foreign Affairs. September — October, 2019. Vol. 98, № 5. P. 89.

[18] Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М. — Л., 1960. С. 275 — 276.

[19] British Documents on the Origins of the War. 1898 — 1914. Ed. By G. P. Gooch and H. Temperley. Vol. II, № 417. P. 374 — 398.

[20] Дербицкая К. Ю. Марокканский вопрос в международных отношениях в конце XIX — начале XX вв. Дисс. к. и. н. М., 2012. С. 121 — 123; Романова Е. В. Англо — германский конфликт и пути его регулирования. 1907 — 1914 гг. Дисс. к. и. н. М., 1999. С. 67 — 68.

[21] Monger G. The End of Isolation: British Foreign Policy 1900 — 1907. L., 1963. P. 96.

[22] Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895 — 1907. М. — Л., 1955.

[23] Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004. С. 408.

[24] В «пороховом погребе Европы» 1878 — 1914. М., 2003. С. 261.

[25] Жогов П. В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912 — 1913 гг. М., 1969. С. 385 — 387.

[26] Бергер Я. М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей. // Проблемы Дальнего Востока, № 1, 2006. С. 34.

[27] Авторство данной концепции, разработанной в конце 1990-х гг., принадлежит американской аналитической корпорации «Рэнд». Она предложила совместить политику «сдерживания» (containment) развития Китая и его «вовлечения» (engagement) в структуры, контролируемые США. См.: Бергер Я. М. Указ. соч. С. 36.

[28] Райков Ю. А. Фактор АСЕАН в политике США в Восточной Азии. // США — Канада. Экономика. Политика. Культура. № 2, 2020. С. 101.

[29] Дмитриев С. С. Американо-китайское технологическое соперничество:от «высокомерия» к бойкоту. // Мировая экономика и международные отношения, № 12, 2020. С. 75-76.

[30] Дмитриев С. С. Указ. соч. С. 76-77.

[31] Гордеева И. В. Место Тайваня в противоборстве США и Японии с Китаем. // Проблемы Дальнего Востока, № 1, 2021. С. 11.

[32] QUAD (QSD, Quadrilateral Security Dialogue) — Четырехсторонний диалог по безопасности, реализуемый США, Японией, Австралией и Индией. См.: Rudd K. The Convenient Rewriting of the History of the ‘Quad’. 26.03.2019. https://asia.nikkei.com/Opinion/The-Convenient-Rewriting-of-the-History-of-the-Quad

[33] Nye J. The Rise and Fall of American Hegemony from Wilson to Trump. International Affairs. January 2019. Vol. 8. № 1. P. 73.

[34] Гаджиев К. С. Геополитика. М., 1997. С. 347.

[35] Труш С. М. Россия — США — Китай: резоны и риски российско — китайского военного сближения. // США — Канада. Экономика. Политика. Культура. № 3, 2020. С. 7.

[36] Портяков В. Я. Перспективы развития нефтегазовой сферы Восточной Сибири и Дальнего Востока и российско — китайское сотрудничество. // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М., 2007. С. 235 — 239.

[37] ШОС — Шанхайская организация сотрудничества. Создана в 2001 году. В настоящее время в состав ШОС входит 8 государств, включая Китай, Россию и Индию. См.: Малышева Д. Б. Перспективы расширенной Шанхайской организации сотрудничества. // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М., 2007. С. 416 — 417.

[38] БРИКС — межгосударственное объединение 5 стран (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), образованное в 2006 году. См.: История БРИКС. http://www.nkibrics.ru/pages/history-brics

[39] Битюк В. И. Новая российско — американская гонка ядерных вооружений. // США — Канада. Экономика. Политика. Культура. № 2, 2020. С. 90 — 91.

[40] Гегелашвили Н. А. Подходы США к Украине и Грузии в контексте внешнеполитических приоритетов Вашингтона. // США — Канада. Экономика. Политика. Культура. № 5, 2020. С. 87 — 89.

[41] См. напр.: Давыдов А.С. Россия и Китай в «миробеспорядке» XXI века: рационален ли союз? // Проблемы Дальнего Востока, № 6, 2020. С. 104 — 114. Меркулов К. К. Геостратегические отношения России и Китая в плане перспектив генезиса союза нового типа. // // Проблемы Дальнего Востока, № 6, 2020. С. 93 — 103.